

Владимир Легойда

ЦЕРКОВЬ, ВОЗВЫШАЮЩАЯ ГОЛОС

The background features a stylized city skyline with several skyscrapers in white and grey. In the center, a large white silhouette of a church with multiple onion domes and crosses on top is superimposed over the buildings. The entire scene is set against a solid blue background.

**С КЕМ
ОНА —
ЦЕРКОВЬ?**

С ВЛАСТЬЮ ИЛИ
С ОППОЗИЦИЕЙ?

С БОГАТЫМИ ИЛИ
БЕДНЫМИ?

С КОНСЕРВАТОРАМИ
ИЛИ ЛИБЕРАЛАМИ?

**С КЕМ И ПОЧЕМУ
БОРЕТСЯ ЦЕРКОВЬ?**

Владимир Легойда

Церковь, возвышающая голос

«ЭКСМО»

2018

УДК 281.93
ББК 86.372

Легойда В. Р.

Церковь, возвышающая голос / В. Р. Легойда — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091178-3

Сегодня все чаще и чаще вызов Церкви бросают не только анонимные пользователи социальных сетей и эпатажные блогеры, но и некоторые традиционные СМИ. Неужели на самом деле «всем, умеющим думать, все ясно», и Церковь – это про пиар и деньги, про борьбу за власть и ресурсы, про циничную эксплуатацию искренней веры и религиозных чувств, про выборы и гламур? В книгу вошли избранные публикации председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом, в которых он касается самых острых и неудобных вопросов, задаваемых сегодня Церкви обществом, и рассматривает основные мифы и стереотипы о Церкви как алчной рассаднице агрессивного мракобесия, обслуживающей прагматичные интересы власть имущих.

УДК 281.93

ББК 86.372

ISBN 978-5-04-091178-3

© Легойда В. Р., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
Христос и свобода	8
О «прогрессивной» Церкви и компромиссах с властью	13
Без сослагательного наклонения	21
Права человека и крокодила	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Легойда

Церковь, возвышающая голос

© Легойда В.Р., текст, 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие

- Скажите, а зачем патриарх едет в город (страну) N?
- Чтобы помолиться у святынь, встретиться и пообщаться с паствой.
- Это понятно... А на самом деле зачем он туда едет?

Подобные диалоги с журналистами за восемь лет работы в Церкви у меня случались десятки раз. Может быть, сотни. Практически перед каждой поездкой Патриарха Кирилла.

И правда: для чего Патриарх едете на Украину, в Белоруссию или на Дальний Восток? Зачем строятся храмы и монастыри в Москве и других городах? Для чего Церковь идет в больницы, создает приюты и кормит бездомных?

Если человек считает, что Бога нет, то он должен найти какие-то иное, свое объяснение существованию Церкви, служению священников и епископов. Такие объяснения могут быть более-менее доброжелательными («люди неплохие, только не очень умные: верят в то, чего нет»), а могут быть злобно-агрессивными («дураки; людей обманывают, чтобы ими манипулировать и тянуть из них деньги»).

У меня нет сомнений в том, что желание добраться до истины – это естественное и правильное. Сомневаюсь я только в том, что найти эту самую истину возможно с установкой, что вам уже «все ясно» в некоторых (а то и во всех) вопросах.

Эта книга – в том числе для тех, кому ясно не все. Кто задает вопросы, пусть острые и неприятные, но кто готов слушать. И отказаться от стереотипов и мифов, наполнивших сегодня как некоторые традиционные СМИ, так и социальные сети и блоги.

Кстати, о вопросах. Еще один, очень распространенный: а что Церковь делает? Каков ее вклад в общественную, культурную, социальную жизнь? Чтобы узнать ответ на этот вопрос, надо также избавиться от ряда ложных стереотипов, изменить угол зрения, попытаться понять, что такое Церковь и чем она не является.

Церковь нередко ставят в один ряд с политическими партиями или общественными организациями. Однако деятельность, которую ведет Церковь, не может быть тождественна ни политической, ни общественной (хотя где-то они и могут пересекаться).

После наводнения на Дальнем Востоке в 2013 году на призыв о помощи пострадавшим откликнулось очень много организаций и людей. Больше всего средств было собрано в ходе телемарафона, проведенного Первым каналом. И тогда в общественном поле началось обсуждение: а какой вклад сделала Церковь? Ведь если взять конкретные цифры, то видно, что ее вклад проигрывает по сумме собранных средств. Вопрос простой: как считать? Многие журналисты принимали в расчет средства, собранные Синодальным отделом по благотворительности. Но ведь это далеко не все. Кто были те люди, которые давали деньги в ответ на призыв Первого канала? Разве среди них не было православных? Или среди тех, кто сдавал деньги с помощью Общественной палаты? А среди политиков и бизнесменов, сделавших большие пожертвования, тоже ведь были верующие православные люди.

Но главное даже не это. Церковь, если хотите, работает, не столько с проблемами, сколько с их источником – человеческим сердцем. В борьбе, которую ведет Церковь, победа происходит, когда человек выходит из храма с изменившимся сердцем. Когда человек уже не может грубить, обижать, воровать, обманывать, брать взятки. По крайней мере, старается этого не делать. Когда он начинает откликаться на чужое горе, как откликнулись миллионы православных на беду на Дальнем Востоке. Когда каждое дело верующего превращается в свидетельство о Христе. Поэтому на вопрос, что Церковь делает, какие «технологии» задействует, каков результат ее служения, ответить можно коротко: Церковь меняет людей, а люди меняют мир.

И борьбе. О ней ведь тоже часто спрашивают: кто враги, кто друзья, с кем Церковь воюет на самом деле и проч. Единственная война, которую ведет Церковь – это война с грехом; в человеке и в обществе.

Немало тех, кто считает, что это общие слова, маскировка. Но в том-то и беда: мы настолько травмированы политизацией нашей жизни, нашего мышления, что часто «на автомате» подвергаем сомнению любое утверждение, в котором не можем раскопать чьей-то выгоды. И в ситуации, когда в окружающем мире не остается ничего неизблемого, когда им начинают править скрытые смыслы, Церковь – тот институт (раз уж многим так хочется называть ее институтом), который пытается вернуть в мир интерпретаций и частных позиций – понятие истины, а «общим словам» – конкретное содержание.

Церковь – это не про пиар и деньги, не про борьбу за власть и финансы, не про выборы или гламур. Церковь – это про общение человека с Богом. Церковь на самом деле считает, что борьба человека с грехом в себе важнее всякой другой борьбы в этом несправедливом мире.

Об этом и возвышает свой голос.

Христос и свобода

Может ли Церковь иметь дело с порочным государством? Должна ли Церковь призывать к восстанию против режима, который подавляет свободу? Как вам кажется, не пора ли Церкви присоединиться к оппозиции, обличающей очевидное зло? Что-то знакомое есть в прижимающей к стенке интонации этих вопросов... *Итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет?*

... В тот раз фарисеи решили наверняка поймать Иисуса на слове, заставить Его назваться либо врагом евреев, либо – другом народа, разделяющим его ненависть к власти. Но прозвучавший ответ поражает вопрошающих. Христос не принимает предложенной фарисеями оппозиции «ты либо свой – либо чужой», но снимает эту оппозицию вовсе: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мк. 12:17). При этом Он утверждает то, чего никто не ожидал: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18:36).

Вот так: Христос не призывал евреев не платить налог Риму, но это никак не умаляло Его достоинства и не делало врагом еврейского народа, хотя именно в сочувствии языческой оккупационной власти фарисеи пытались уличить Спасителя. И пришел Христос не для того, чтобы пробудить гражданское сознание евреев, которое и без того вполне себе было активно антиримским. А Он вдруг *не призвал* к восстанию. «Кесарево – кесарю», Богу же нужно отдать свое сердце. Того, кто действительно это сделал, не сломит ничто, никакая несправедливость: ни отобранный дом, ни изменившая жена, ни сама смерть.

От чего Христос освободил человечество?

Безусловно, христианин ценит дарованную ему Богом свободу и не может приветствовать ее подавление или всякое унижение человеческого достоинства, тем более физическое уничтожение человека. Социальная несправедливость, угнетение, насилие – это очевидное зло, а злу нужно противостоять. Это в полной мере относится к злу, творимому отдельной личностью, обществом, государством или от имени государства. И противостоять этому может как отдельная личность, так и общество и само государство. Вопрос в другом: от чего освободил человечество Христос? От подчинения государству или от рабства греху?

Христос победил смерть и принес в мир подлинную жизнь, которая обладает ценностью только потому, что является вечной и неприкосновенной. Единственным источником этой ценности (равно как и всех остальных для христианина) является Сам Христос, подвигом Которого преодолевается главная, но заслуженная нами, людьми, несправедливость человеческой жизни. И несправедливость эта не в насилии государства, но в неизбежности смерти. Свобода – дар Божий. Но это не только свобода выбора, которую, безусловно, нельзя насильственно отбирать у человека, но в первую очередь свобода от греха, которую никакое государство не может отобрать, если человек следует Христу. Сам Христос приносит не право человека на свободу от государственной машины, но нечто гораздо большее – свободу от смерти, от ада. Вот революция Христа, и она совсем не похожа на то, что ждали от Него фарисеи. «Смерть, где твое жало, ад, где твоя победа?» – повторяя вслед за апостолом Павлом эти слова пророка Осии, святой Иоанн Златоуст утверждает: «Воскрес Христос, и ты (ад. – В. Л.) низвержен». Эти пасхальные слова звучат не только сегодня, в условиях критикуемого некоторыми людьми государства. Они разрывали покров тьмы и в советское время, когда вопрос прав и свобод человека стоял существенно острее, чем в наши дни.

Христиане призваны к жизни во Христе. И Его победу нельзя присвоить или соткать из нее путы, как может показаться людям, недовольным тем, что Церковь идет на контакт

с государством. Человек не может присвоить себе того, что принадлежит Богу. Сколько ни убивали христиан-мучеников в минувшие эпохи, сколько ни убивают и ни унижают невинных и праведных людей сегодня, проигравшими, убитыми для вечности оказываются насильники и убийцы, а не их жертвы.

В этом – христианское послание свободы от смерти и греха, и для него вторичны потуги государства отнять у человека достоинство. Равно как и ограничены все усилия в любом государстве и гражданском обществе это достоинство безусловно и навеки утвердить.

Рай на земле невозможен. Это не означает, конечно, что христианин призван мириться с несправедливостью и подчиняться ей. Не об этом речь. А о том, что никто и никогда не способен отнять у человека главную свободу, дарованную Богом. Христианские мученики всех веков доказали это своим подвигом. Сотни тысяч сохранивших ценой жизни свое достоинство быть свободными со Христом пострадали в советское время – какая уж тут «холопская черта» русского народа, о которой так любят говорить сегодня некоторые соотечественники! Это не «рабы Божьи и государевы» – это подлинные братья Христовы. При этом сами христиане называют себя «рабами Божиими» не из-за похлебки, а ради смирения, не дерзая назвать себя братьями и детьми Христа.

Почему Церковь не борется с «режимом»?

Церковь не призывает к рабскому подчинению государственной власти. Государство, по известным словам русского философа Владимира Соловьева, предназначено не для того, чтобы земная жизнь стала раем, но чтобы она не превратилась в ад. Вот с чем связано уважительное отношение Церкви к государственной власти и ее безусловно важной функции. Впрочем, в «Основах социальной концепции» Русской Православной Церкви закреплено право на гражданское неповиновение власти, принуждающей верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям.

Но этого критикам Церкви часто оказывается мало, и они вопрошают: почему Церковь не возвышает, причем громко и яростно, свой голос против порочных явлений в государстве и обществе?

Видимо, авторы таких вопросов исходят, во-первых, из презумпции самоочевидности пороков «режима», отсутствие постоянной жесткой критики которого объявляется конформизмом. Во-вторых, именно эта задача обличения власти полагается сегодня важной (важнейшей?) для Церкви.

Но думается, что подобная оценка текущей ситуации при таком раскладе является именно и только политической. Поэтому Церкви, чтобы удовлетворить таких критиков, пришлось бы занять как раз явно политическую позицию – на уровне ее официальных структур. Последнее вызвало бы не только критику, не менее острую, со стороны других политических сил, но и понудило бы Церковь заниматься тем, чем ей заниматься совсем не пристало – собственно политической деятельностью.

Каждый по-своему видит идеальное государство, но христианину очевидно, что этот институт, вызванный к жизни грехопадением человека, по определению не может стать совершенным в пределах земной истории человечества. Более того, сама Церковь в своей организационной природе несет отпечаток тех несовершенств, которые характерны для современных ей государства и общества, потому что состоит из тех же людей.

Прекрасно понимая это, еще блаженный Августин (354–430) сформулировал свою концепцию «двух градов» – земного и небесного. Примечательно, что Августин настаивал на том, что в земной жизни, включая жизнь земной Церкви – верующих людей, – оба эти града перемешаны и только в вечности мы узнаем, кто к какому принадлежит. Конечно, эта концепция не имеет статуса догматического учения, однако было бы неправильным игнорировать интуи-

ции великого святого ранней Церкви. Тем более что интуиции эти полностью согласуются с евангельской притчей о пшенице и плевелах.

Можно вспомнить, что и среди учеников Спасителя был предатель, который воровал жертвуемые деньги. Воровство Иуды существовало, судя по всему, вплоть до самого последнего момента, пока не закончилось еще худшим – предательством. И что же: сообщество Христа и Его апостолов тоже следует назвать «порочным институтом», который «неэффективно борется с внутренними злоупотреблениями»? Конечно, от любого такого примера можно отмахнуться: ну когда это было! То Евангелие, а то – жизнь. Но ведь все дело в том, что Евангелие – именно о жизни.

Призывает ли Церковь к «конформизму»?

Если мы, как предлагают упомянутые ранее критики, будем мыслить о Церкви в терминах и логике политики, то не найдем, наверное, ни одного периода в истории Церкви, когда тех или иных ее представителей нельзя было бы при желании обвинить в конформизме.

Некогда император Константин созвал и возглавил «собрание конформистов» – епископов христианской Церкви, подчинившихся воле язычника – главы государства. Собрание это вошло потом в историю как Первый Вселенский Собор, а председательство императора никак не повредило ценности принятых там догматов. Вроде бы само по себе председательство язычника (пусть уже формального) на Соборе отцов Церкви не может радовать христианина. Но представьте себе альтернативу: епископы, проклявшие язычника Константина с его претензиями на «сакральную» власть, сорванный Собор, возможно, отказ императора от крещения. Что дальше?

Я совсем не к тому, что Церковь должна закрывать глаза на несовершенства и в своей среде, и в сфере государственного управления. Этого и не происходит. Церковь осуждает грехи властей предержавших, которые в среднем имеют их не меньше и не больше, чем те, кто властью не обладает. Просто иногда это другие грехи.

Существует, например, не совпадающая позиция Церкви и государственных структур по ряду вопросов, которые не всегда становятся известны широкой публике. Но от этого до непосредственного участия в политической борьбе – большой шаг, сделав который, Церковь неизбежно превратится из Тела Христова в заурядную политическую партию и прекратит свое существование – как Церковь. Представители Русской Православной Церкви последовательно выступают с осуждением общественных пороков, например коррупции, причем не только публично. Я сам неоднократно был свидетелем совсем не комплиментарных разговоров Святейшего Патриарха Кирилла с чиновниками разного уровня. Известна не популярная ни среди власти, ни среди части наших сограждан позиция Русской Православной Церкви против нахождения абортотомов в системе ОМС. И переговоры на эту тему ведутся весьма жесткие. Это тоже конформизм?

Или конформизм в том, что Церковь выступает последовательно и твердо против революционных, насильственных изменений существующих порядков? Да, можно во многом согласиться с теми, кто утверждает, что любой тип государственного правления ставит перед человеком неизбежный нравственный выбор. Только вот альтернатива государству – анархия – лишь делает этот выбор еще более острым. Вполне в логике Черчилля, полагавшего демократию худшей формой правления, если не считать все остальные. Потому что причина, по которой мы делаем выбор в пользу государства, не в наших «холопских привычках», а, как уже говорилось, в падшей природе человека. И чтобы увидеть, к чему приводит отсутствие государства, нашему современнику даже не нужно вспоминать дела давно минувших дней, достаточно включить новости по телевизору и посмотреть, что сегодня происходит у наших соседей: как близких, так и отдаленных.

О чем действительно должна «кричать» Церковь?

Да, Церковь должна возвышать свой голос против общественных пороков. Вопрос один: как это делать? Официальными заявлениями синодальных структур или через изменение общества, воспитание людей? Думаю, важны оба способа. При этом глубоко убежден в том, что главное служение Церкви осуществляется в изменении человеческого сердца.

Повторяю, это совсем не значит, что Церковь не должна давать публичной нравственной оценки происходящему в обществе и государстве. Отсутствие такой оценки было бы низведением веры до «вашего частного дела», что глубоко противоречит православному пониманию места христианства в жизни и для веры разрушительно. В пределе такой подход охарактеризовал Питирим Сорокин, заметив, что «в воскресенье пуританин верит в Бога, а в остальные дни – в фондовую биржу». Но противоположная крайность также известна истории.

Фра Иероним Савонарола, один из ярчайших представителей западноевропейского средневекового христианства, справедливо и жестко обличал пороки своих современников. Чем и снискал колоссальное уважение и поддержку многих. Однако скоротечность и бесславность «правления» Савонаролы во Флоренции связана не только с противостоянием властям, светским или церковным, но именно с тем, что в какой-то момент пророческая функция Церкви превратилась в полицейскую в поступках его многочисленных последователей.

Поэтому вновь и вновь мы возвращаемся к исходному вопросу: к чему призвана Церковь Спасителем? В лице каждого отдельного человека и в лице церковных институций? Прежде всего обращать Благою Весть к сердцу людей, надеясь на то, что преображенный верой человек преобразит и окружающий мир.

У нас нет иного рецепта для государства и общества, чем тот, который оставил нам преподобный Серафим Саровский: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Он сказал именно это, а многим, может быть, казалась бы более важной борьба за восстановление нормального церковного устройства, разрушенного Петром I, или за отмену крепостного права.

Думаю, если бы Серафим Саровский обратился с каким-либо общественным призывом, то за ним, быть может, пошло бы не меньше людей, чем за Лютером. Только последователи Лютера не создали ни идеальной Церкви, ни идеального государства, ни идеального общества, зато пролили много крови в религиозных войнах, навсегда расколовших духовное единство Европы. А ведь были движимы благими намерениями и справедливо указывали на действительные общественные и церковные пороки.

Поэтому в первую очередь надо прилагать усилия, чтобы сделать ценности небесного Отечества реальностью в жизни Отечества земного. Настолько, насколько это возможно. Насколько есть силы.

Сердце христианина не может соглашаться на попрание человеческого достоинства кем бы то ни было, в том числе и государством. Другое дело, что борьба за социальную справедливость не может быть автоматически ассоциирована со святостью. Святитель Иоанн Златоуст умер в изгнании, но канонизирован Церковью вовсе не за борьбу с пороками византийской императрицы. Точно так же странно думать, что Христос пришел на землю с благой вестью о недопустимости гладиаторских боев или рабства, которые, кстати, осуждались в античности многими задолго до христианства.

Он принес рабам и патрициям, гладиаторам и вольноотпущенникам весть о том, что они могут быть в вечности с Ним.

И задача Церкви в том, чтобы очередной собирательный (а на самом деле каждый раз живой и конкретный) император-язычник, или бюрократ-взяточник, или полицейский-беспредельщик, пусть пытающиеся пока судить о Церкви в доступных им языческих понятиях власти-подчинения, были бы ей не осуждены бесповоротно, не навсегда отвергнуты, но увидели

бы перед собой путь к тому, чтобы и им покаяться и стать святыми. Ведь и вокруг них тоже могут спастись тысячи. Надо верить в человека, ради которого Бог сошел с небес.

О «прогрессивной» Церкви и компромиссах с властью

Владимир Легойда – первый мирянин в высшем руководстве РПЦ. К Богу пришел на волне 1000-летия Крещения Руси, в Церковь – через МГИМО, стажировку в Штатах и даже написал книгу «Мешают ли джинсы спасению». Раньше официальных голосов у Московского Патриархата было два, после ухода отца Всеволода Чаплина разговор с общественностью идет спокойным полупшепотом. О православии для панков, спорах с Патриархом, грехах и перерождении председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ рассказал «Снобу»¹.

– Вы, мирянин, сделали серьезную карьеру в Русской Православной Церкви. Насколько я понимаю, таких, как вы, в топ-менеджменте РПЦ, если говорить светским языком, больше нет.

– Карьера и топ-менеджмент, пожалуй, не самая лучшая терминология для описания жизни Церкви. Но тот факт, что в высшем церковном управлении появился человек, не имеющий священного сана – это, действительно, первый случай в новейшей истории Церкви. Кстати, у меня три заместителя, они все миряне; есть миряне – заместители председателя и в других синодальных отделах.

Поверьте, я не для рисовки и не для красного словца говорю, но я не рассматриваю это как карьеру. В МГИМО, где я работал до 2009 года, можно было говорить о карьере. В 2009 году Патриарх призвал меня к церковному служению и круто изменил этим всю мою жизнь. Кроме того, я сразу оказался на позиции, выше которой мирянин вряд ли может подняться, потому что все остальное предполагает наличие сана, причем архиерейского. Так что у меня нет карьерных устремлений.

– Когда вы познакомились с Патриархом?

– В 2000-е, когда Святейший был еще митрополитом. Мы с друзьями выпускали журнал «Фома», который был на тот момент, да и сегодня остается, простите за нескромность, уникальным явлением в мире православных медиа. И вот на одном из церковно-общественных мероприятий я и был представлен митрополиту Кириллу. В 2007 году в Отделе внешних церковных связей была создана рабочая группа, которая писала проект документа «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», ее работой руководил сам митрополит. Я входил в состав группы. Это был очень интересный год, и мне сегодня очень смешно слушать плоские оценки, типа того, что Церковь против прав человека. Мы работали над формулированием церковной позиции, изучали документы и правоприменительную практику, проводили круглые столы, писали тексты, потом это все редактировалось и обсуждалось и в итоге было принято на Архиерейском Соборе. Это очень качественный и глубокий документ, рекомендую ознакомиться тем, кто интересуется позицией Церкви по данной теме – он доступен любому в два клика с 2008 года. После этого я принимал участие в международных конференциях, на которые митрополит Кирилл меня приглашал. А в 2009 году уже Патриарх Кирилл меня пригласил создать и возглавить отдел.

– И вы решили совсем уйти из МГИМО в Церковь.

– Во-первых, я уже жил в Церкви. Во-вторых, из МГИМО я не ушел, преподаю до сих пор и очень дорожу этой возможностью. Я был крещен в детстве, хотя отношусь к тому поколению, которое пришло в Церковь на волне празднования тысячелетия Крещения Руси. 1988 год, ослабили идеологические тиски. Мой путь во многом был очень стандартный: русская классическая литература, русская религиозная философия, пост, исповедь, первое причастие. Я вырос

¹ Опубликовано на портале snob.ru 22 апреля 2016 г., оригинальное название «Никогда еще Церковь не была так свободна от государства».

в Северном Казахстане, в маленьком городе Кустанай (сейчас Костанай), приехал, поступил в МГИМО. Встретил там учителя – им стал Юрий Павлович Вяземский, автор и ведущий программы «Умники и умницы», писатель и философ. Мы с моими ближайшими друзьями читали и обсуждали с Юрием Павловичем Евангелие, русскую религиозную философию. Потом даже был такой факультатив «фейковый»: есть правило – если пять студентов просят факультатив, кафедра должна его обеспечить. Я написал пять фамилий, и мы с Юрием Павловичем вдвоем собирались и беседовали. Потом он как-то сказал: «Что это мы все время в институте встречаемся, приезжайте ко мне домой». Так я познакомился с женой Юрия Павловича, Татьяной Александровной. Это дружба ученика и учителя, сохранившаяся до сих пор, за что я учителю очень благодарен. У нас были и другие замечательные преподаватели, например, из московской консерватории – Владимир Иванович Лисовой, который вел спецкурсы по истории музыки. Он был очень верующим человеком, и хотя он нам читал, скажем, музыкальную культуру Латинской Америки, мы так или иначе выходили на истории, связанные с религией, с православием. На первом курсе я стал ходить в храм. А на третьем оказался в США на стажировке и познакомился с общиной, которую в свое время организовал известный американский православный монах Серафим (Роуз) вместе с русским монахом отцом Германом (Подмошенским). Отец Серафим умер в 1982-м году, в 90-е был уже очень известен в России. Две его книги перевели с английского: «Душа после смерти» и «Православие и религия будущего», они были очень популярны в православной среде в 90-х годах. Я оказался в городе, где было братство, основанное Роузом. И вот как не верить в Бога и чудеса, если по программе обмена, по которой я ездил в Штаты, я мог оказаться в одном из 50 или даже 100 университетов (точно не помню), но попал «почему-то» в город Чико в Северной Калифорнии! Я побывал в монастыре, где похоронен отец Серафим – там же, в Северной Калифорнии. И в Штатах я для себя открыл... живое православие. Отец Герман, который скончался в прошлом году, был человеком, показавшим мне, если говорить современным профанным языком, православие с человеческим лицом. Открывшаяся новая жизнь так меня потрясла, что я даже собирался уходить из МГИМО и поступать в семинарию. Но отец Герман сказал, что этого делать не нужно, следует закончить институт и выпускать журнал. Когда я учился в Штатах, мы с молодыми монахами из Братства Германа Аляскинского начали издавать православный журнал... для панков. Он назывался *Death to the World*, в самом названии обыгрывалась монашеская идея умирания для мира и панковский хардкор. А когда мы придумали журнал «Фома», я заканчивал институт и был на пятом курсе. Тогда я это сформулировал внутренне для себя не без некоторого пафоса как дело всей жизни, поэтому, собственно, приход в церковные структуры был для меня органичным, хотя и совершенно неожиданным.

– А за что выгнали отца Всеволода Чаплина, с которым вы раньше делили полномочия?

– Я не делил полномочий с отцом Всеволодом, мы возглавляли разные отделы, но у них были некоторые функциональные пересечения. Кроме того, в данном случае я не сторонник такой лексики («выгнали»). Было принято решение об объединении двух синодальных структур. Синод счел, что новым отделом буду управлять я. В принципе, сам отец Всеволод многократно подчеркивал, что не хочет долго заниматься чем-то одним, считает, что раз в пять лет надо менять работу. К моменту, когда Синод принял это решение, отец Всеволод был в должности уже почти семь лет. Давать какие-то иные оценки я не считаю себя вправе.

– Отец Всеволод давал понять, что его уход вызван разногласиями с Патриархом.

– Имея уже более чем семилетний опыт непосредственной работы с Патриархом, могу сказать, что дискуссия – одна из форм работы с Патриархом. Неужели вы думаете, что Святейший предпочитает работать с теми, кто всегда и во всем ему поддакивает? Другое дело, что выразить несогласие с Патриархом – это же не самоцель. Кроме того, обычно Патриарх Кирилл сначала выслушивает разные точки зрения, потом принимает решение. Да и решения чаще всего принимаются коллегиально.

Скажем, у нас есть консультативный орган – Межсоборное Присутствие, на его Пленуме с Патриархом дискутировали и священники, и епископы, и миряне. В дискуссионной форме проходят и заседания Архиерейского Собора. Поэтому, уверяю вас, сам по себе факт несогласия с Патриархом не может быть причиной того, чтобы человек лишился должности. Другое дело, что публичные выступления официального представителя Церкви должны соотноситься с той позицией, которая в Церкви вырабатывается многими людьми. Я не могу говорить все, что мне в голову придет. Точнее, могу, но тогда нужно искать себя в другой сфере.

– *К слову, свою диссидентскую позицию отец Всеволод стал выражать, в основном, после ухода. Он, например, говорил, что будто бы поднимал вопрос о раздутом церковном аппарате – мол, слишком много людей занимается обслуживанием интересов первого лица, нужно проверить.*

– Я пришел в Церковь заниматься тем, что свойственно Церкви по своей природе, а не обсуждать несовершенство церковного аппарата. Как любой человеческий аппарат, церковный имеет свои недостатки. Я считаю, что с этими недостатками с Божьей помощью мы как-нибудь справимся.

В этой связи у меня к коллегам-журналистам одно пожелание: когда делаешь материал о Церкви, важно разобраться, что в жизни Церкви действительно важно, а что имеет периферийное значение. Большинство тем, которые в связи с Церковью попадают на страницы газет, экраны телевизоров и компьютеров, к реальной жизни Церкви и даже к реальным проблемам Церкви не имеют отношения. Это все равно, как если бы вы пришли к человеку, который прыгает в высоту, и начали у него уточнять: «А вот люди, которые убирают в раздевалке, повесили новые замки, а старые были удобнее». А ему хочется рассказать, что он испытывает, когда на 6 метров, как Сергей Бубка, взмывает вверх.

– *Я понимаю, что мирская суета вас раздражает. Но меня интересует вовсе не содержание аппарата Патриарха, а ваша внутренняя политика.*

– Почему же сразу раздражает? Мне хочется быть понятым. Когда человек приходит к вере, его мир из черно-белого становится цветным. Так мы описывали, например, свои чувства, когда придумывали журнал «Фома». Это более всего сравнимо с состоянием влюбленного человека – ему хочется рассказывать, как прекрасна его возлюбленная. Он иногда даже немного достает всех своей прекрасной возлюбленной, но ему хочется про ее красоту рассказывать. Понимаете? Я видел, что происходит с людьми в Церкви, как меняется состояние сердец, как они из людей, которые, быть может, мало чем хорошим в жизни занимались, перерождаются, становятся другими. Такие евангельские истории покаявшихся разбойников. Церковь – про Христа и про новую жизнь человека во Христе. А вы говорите – церковный аппарат. Тоже важно, конечно, но это не главное.

– *Ваша задача быть более сдержанным, тихим спикером Русской Православной Церкви, не привлекать к ней лишнего внимания?*

– У человека, служащего в Церкви, не может быть задачи, отличной от задачи любого христианина. Его жизнь, его служение должно соотноситься с Евангелием. И это не просто слова. Знаете, перед очередной поездкой Патриарха нас почти всегда спрашивают: «Для чего Патриарх едет туда-то?». Мы говорим: «Для того чтобы помолиться у святынь, встретиться с людьми, пообщаться». «Да это понятно, – отвечают журналисты, – а на самом деле для чего?». Понимаете, если находиться в логике, что Бога нет, всегда будет вопрос: «А что тогда на самом деле?». Но мы-то верим, что Бог есть. Давайте видеть эту логику. Жизнь христианина должна быть христоцентрична. Моя задача здесь какая: чтобы в тех зонах ответственности, которые на наш отдел возложены (сегодня это – взаимодействие со СМИ, с государством и с обществом), звучало евангельское свидетельство о Христе. Но если непосредственно отвечать на ваш вопрос: я не считаю, что здесь принципиальным является «тише – громче, привлекать – не привлекать». Поведение христианина определяется не тем, разрывает он шаблоны или не

разрывает. Оно определяется одним – насколько его слова и дела соответствуют Евангелию. Которое, кстати сказать, так разрывает любые человеческие шаблоны, что сложно представить себе что-то более сильное. Возьмите хотя бы заповедь о любви к врагам.

– Вы транслируете общецерковную позицию?

– В том числе. Но то, что я транслирую официальную точку зрения, не значит, что перед каждой консультацией прошу собрать Синод и спрашиваю, что мне говорить. Вот недавно информационное поле в очередной раз было беспричинно взорвано искаженной подачей проповеди Патриарха, которого почему-то обвинили в отрицании прав человека. Патриарх вообще ничего принципиально нового по сравнению с тем, что говорилось в том числе им же много-много раз, не сказал. Что бы сделал я, будучи журналистом? Взял бы и прочитал «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», которые я уже упоминал. Но этого никто не делает или делают единицы.

А есть вопросы, по которым у Церкви нет и не может быть официальной точки зрения. Это тоже приходится объяснять. Например, нам говорят: «А вот некий спектакль поставили. Какова официальная точка зрения Церкви?». Или: «Какова официальная точка зрения Церкви по поводу ГМО?». Нет официальной точки зрения у Церкви по поводу ГМО. И не факт, что она обязательно должна быть. Вы, дорогие друзья, сами сначала спрашиваете у нас про каждый чих, а потом говорите: «Зачем вы туда лезете?». Но Церковь – она не про ГМО. Церковь, конечно, про здоровье – но духовное.

– Мне кажется, вы свою задачу, в некотором смысле, видите в снижении градуса публичной одиозности.

– Скорее, в повышении градуса внимания к Евангелию, если можно так сказать. Я не считаю, что есть какой-то градус одиозности. Я вижу свою основную задачу в том, чтобы с помощью коллег-журналистов объяснить людям, про что Церковь, для чего Церковь. У нее есть институциональное измерение, есть социальное, но она к этому не сводится и не этим живет. Есть какие-то более локальные задачи, например, ложные стереотипы, особенно в молодежной среде. Скажем, о том, что Церковь – это место, где сидят и ждут, как бы заставить бедного молодого человека это не есть, с этим не спать, так не танцевать, так не одеваться. Я готов тратить время, силы, убеждать и показывать, что Церковь не про запреты. Церковь про Христа. Про того Христа, о котором Достоевский, быть может, богословски неточно, но очень пронзительно сказал, что если бы ему доказали, что истина вне Христа, то он бы желал остаться с Христом, не с истиной.

– Я не могу сказать, что прямо мечтаю залезть в эту тему, но вопрос, с кем спать, Церковь развивает как никакой другой.

– Нет, это как раз не так. У Церкви есть свое отношение к ценности брака и отношениям мужчины и женщины, в том числе к физической близости. Церковь выступает только за то, чтобы эти отношения не профанировались. Чтобы то высокое, о чем в Библии сказано, что двое становятся в плоть едину, не превращалось в проходную вещь – как стакан воды выпить. И вообще Евангелие в широком смысле – не про то, каким человек был, и даже не про то, какой человек есть. Евангелие про то, каким человек может стать. Христос пришел не для того, чтобы человеку сказать: «Ты плохой». А для того, чтобы сказать: «Иди за Мной, ты сможешь стать таким, как Я».

– И все же любопытно, что после встречи Патриарха и Папы одной из самых громких новостей было совместное осуждение однополых браков. Я не требую от Церкви светской гибкости, но из ее уст часто раздается гомофобная риторика.

– Это, безусловно, не самый громкий результат общения Патриарха с Папой. Основной результат встречи – признание факта, что в цивилизованном и просвещенном XXI веке христиане – самая преследуемая религия в мире. Этой темы не было в СМИ три года назад, два года назад, даже год назад. Представители Русской Православной Церкви в разных междуна-

родных организациях говорили, что христиан преследуют именно за то, что они христиане, а им отвечали: «Да ну что вы, да этого не может быть. Просто идут военные конфликты, в которых гибнут люди, в том числе христиане». А сейчас все признали, что это не так, что христиане гибнут именно потому, что они верят во Христа. Вдумайтесь: в современном мире каждые пять минут гибнет христианин. Об этом широко узнали и везде заговорили именно после встречи Патриарха с Папой. А вы говорите, гомофобия – главная тема.

Что же касается позиции Церкви по поводу так называемой однополый любви, то позицию эту совершенно неверно и некорректно сводить к тому, что вы назвали гомофобной риторикой. В Церкви существует фундаментальное положение, согласно которому должен жить и каждый христианин, и Церковь в целом. Это дифференциация греха и грешника. Грех – это то, что плохо, что нельзя принять, с нормальностью чего нельзя согласиться. Нельзя то, что плохо, называть хорошим. Тем более, чтобы всем понравиться или показать «широту взглядов». Нельзя. Но грешник – это человек, который заслуживает снисхождения, помощи, милосердия, молитвы. Так вот, когда ты это понимаешь, все становится на свои места. Христиане не могут и не должны призывать к осуждению людей, но они не могут на то, что названо в Библии «мерзость перед Господом», говорить: «Вы знаете, это такая замечательная, хорошая штука». Нельзя поддерживать пропаганду греха. Понимаю, что кому-то это не нравится. Я недавно выступал в Лондоне в знаменитом Chatham House, Королевском институте международных отношений. Пригласили рассказать о Русской Церкви. Поскольку это все было на английском, я своему знакомому профессору из Штатов отправил заранее текст, чтобы он его просмотрел – на предмет языка. И он сказал: «Вот вы здесь в конце пишете про то, что Церковь выступает за традиционное понимание нравственности, против однополых браков. Будьте очень осторожны, вы разворошите улей, с вами полтора часа будут говорить только про это». Я говорю: «Я не могу скрывать позицию Церкви – это нечестно». Он: «Вы не представляете, как все изменилось за последние пять лет. Даже семейная тема на Западе подается в первую очередь в контексте однополых союзов, их прав удочерять и усыновлять». И я понимаю, как это выглядит в глазах «просвещенной» публики здесь. Это как раз к вопросу о том, на какие компромиссы Церковь может идти или не может. Пастырь Церкви и любой христианин не имеет права, если у него есть такие знакомые, их ненавидеть. Но он и не может соглашаться с их поведением. И это не особое отношение к гомосексуалистам, это отношение к любому грешнику и любому греху. В других или в себе.

– Меня интересует, соглашается ли Церковь с тем, что столь твердая позиция о «мерзости» – ее взнос в то, как повышается градус агрессии и насилия в этом вопросе. Вот буквально только что, в Петербурге, человек под флагом добродетели убил другого человека.

– Церковь не призывает к насилию, Церковь призывает к покаянию. Причем она призывает к покаянию не только гомосексуалистов, а каждого человека. Покаяние – это начало пути к Богу. Ты должен освободить свое сердце для того, чтобы в нем действовал Бог. Поэтому если какие-то современные психологические тренинги начинаются со слов «Я могу», то христианство начинается с постоянно обращенной к Господу фразе: «Господи, я не могу, помоги». И этот призыв к покаянию Церковь одинаково обращает к людям, которые грешат совершенно разным образом.

Христос пришел, чтобы мы «вернулись в сердце наше». Возвращаясь же к вашему вопросу, скажу, что важно вот что: когда кто-то призывает Церковь отказать от этой позиции, это все равно, что просить Церковь больше не осуждать супружескую измену. Люди, мол, все равно изменяют, современные психологи вам расскажут о «естественной полигамности» мужчин, а уж если по обоюдному согласию – так вообще без проблем. В общем, ребята, будьте уже современными. Но Церковь не может с этим согласиться. Обеспокоена Церковь и вопросом законодательного признания греха. Знаете, 30, даже 20 лет назад, представители Церкви публично предупреждали: придет время, когда однополые браки узаконят. И им отвечали: «Слу-

шайте, этого не может быть, и никогда не будет. Это невозможно». Но произошло. Я понимаю, что вызову сейчас недовольство у многих своими словами, но может наступить время, когда узаконят педофилию.

– *Это всегда здорово слушать, когда и в Церкви об этом говорят через запятую.*

– Вот-вот, мне говорят: «Вы связываете несвязываемые вещи, через запятую, никогда не будет». А давайте поговорим с вами через 20 лет? Посмотрим, кто был прав.

– *Бог с вами. Давайте перейдем к внешней политике. Вот, например, важная тема – Украина. У РПЦ ситуация непростая. Вы и с официальной Москвой не можете поспорить, и с Киевом, если что, начнутся проблемы, уже церковные.*

– Положение не самое простое, но позиция совершенно ясная. Русская Православная Церковь – это не Церковь Российской Федерации. И название «Московский» в титулатуре Патриарха не означает, что это Патриарх, который имеет отношение только к верующим, живущим на территории России. Московский Патриархат – это историческое название, которое объединяет паству, живущую сегодня в 16-ти странах. То есть важно понимать, что Русская Православная Церковь не существует в границах одного государства.

– *На моей памяти Русская Православная Церковь и Патриарх всерьез разошлись с позицией российского государства лишь однажды – во время войны с Грузией, когда Осетинская Церковь предприняла попытку отсоединиться.*

– У Церкви нет задачи расходиться или сходить с государственной позицией, а по Украине мы не занимаем позицию не потому, что боимся с кем-то поспорить, а потому, что Церковь не может занять политическую позицию в принципе. На Украине гражданский, междоусобный конфликт. И в этом конфликте по разные стороны оказались прихожане Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Они находятся и среди тех, кого у нас называют ополченцами, и со стороны украинской армии. Мы знаем рассказы наших священников, архиереев, которые служат там. Вот священник, служащий на Донбассе, едет через территорию ополченцев, потом пересекает блокпост украинской армии, его останавливают: «Выходите. Вы кто?». «Священник». «Какого Патриархата?», – спрашивает солдат с автоматом. Он говорит: «Московского». Солдат отставляет автомат и говорит: «Благословите, батюшка». Вот как к этому относиться? И там его паства, и здесь. При чем здесь поспорить – не поспорить с государством? Он священник.

– *Кто-то из священников признавался, что как только высшие иерархи высказываются по внешнеполитической повестке, это вызывает недовольство светской власти, будто бы даже звонят из МИДа.*

– Мы, естественно, взаимодействуем с органами государственной власти как Российской Федерации, так и других стран, в которых присутствует Русская Православная Церковь. Эти отношения конструктивные, но не всегда простые. Мы далеко не во всем сходимся, далеко не все наши сложные дискуссии выходят в публичное поле, естественно. Но это не значит, что все сводится к...

– *Звонку из МИДа.*

– Такого вообще нет. Когда мы говорим, что Церковь сегодня свободна, независима от государства, многие начинают хитро улыбаться. Но вот смотрите, что такое свобода для Церкви? Это возможность самостоятельно решать внутренние вопросы. Так сегодня и происходит. Например, несколько лет назад в Церкви начали процесс разукрупнения епархий. Никто же не ходит в управление внутренней политики: «Знаете, у нас такая реформа, можно мы это сделаем?». Я вам скажу больше, с точки зрения банального удобства взаимоотношений на местах кое-что даже усложнилось. Раньше было как: один губернатор, один епископ. Вот им надо что-то обсудить, губернатор с епископом встречается. А сейчас, допустим, создана митрополия, и там появилось три или даже четыре епископа. И это сложнее с точки зрения административного взаимодействия. Но почему в Церкви на это пошли? Потому что Синод и

Патриарх сказали, что епископ должен быть ближе к священникам и к пастве, к народу. Вот, скажем, были епархии по 200–300 и более храмов. Епископу, чтобы только один раз приехать в каждый храм – послужить, пообщаться с людьми – нужно несколько лет. Правда, сложно держать руку на пульсе? А создали новые епархии – три или четыре вместо одной, и ситуация принципиально изменилась. Это новый мощный импульс церковной жизни.

– *То есть вы держите дистанцию.*

– Мы живем в своей церковной логике. В этом смысле Церковь никогда не была так свободна. Понятно, что при князе Владимире такого не было, политика и религия тогда не были так дифференцированы. Допетровская эпоха была временем большого влияния Церкви на государство. При Петре, хотя государство оставалось православным, внедрили протестантскую модель, превратив институциональную Церковь в министерство, поставили обер-прокурора. В советское время Церковь была практически полностью несвободна. Возрождение, которое произошло после 1991 года, – беспрецедентно. В истории Русской Православной Церкви такой свободы от государства не было. Что не означает, что мы не взаимодействуем с государством.

– *Если идти дальше, после дела Pussy Riot, а это была кульминация церковного присутствия на общественной сцене, – возникло впечатление, что Церковь стала вести себя тише, или ей даже порекомендовали от сцены отодвинуться.*

– Впечатление – категория ненаучная. И я считаю, что оно было связано не столько с поведением Церкви, сколько с общим контекстом – долгая очень была история, и я не понимаю, кому это затягивание было нужно. От людей, так или иначе с Церковью связанных, звучало разное – от «накормить блинами» до «надо снять штаны и высечь по голой попе на площади». И все это обилие мнений создавало контекст. Но официальная Церковь крайних позиций не придерживалась, она исходила из того, что произошло недопустимое, что это было кощунственное поведение в сакральном пространстве и что верующие хотели бы услышать оценку всего общества и государства. Я признаюсь, наивно полагал, что после 70-ти лет разрушения храмов и унижения веры в нашей стране невозможно то, что произошло. Да, у этого «действия» так называемой рок-группы был свой политический подтекст – ради Бога, идите со своим политическим подтекстом куда хотите. Зачем приходить в храм? И, повторяю, вопрос к государству: должны ли подобные действия регулироваться в правовом поле? Или можно приходить в мечеть, храм, синагогу – и делать все что угодно, и государство будет говорить: «Это, ребят, ваши проблемы». К тому же, когда был оглашен приговор, Высший Церковный Совет сделал заявление с просьбой к суду смягчить наказание. Ведь вы этого не помните, правда?

– *Почему? Хорошо помню. Когда объявили о «двушечке». Но наказание, очевидно, было вызвано и позицией Церкви.*

– Церковь не высказывалась по степени тяжести наказания; принципиальным был вопрос о допустимости или недопустимости подобных действий. Повторяю, громкость, о которой вы говорите, создавал контекст, а не Церковь. Мы внимательно занимались мониторингом, я помню эти цифры, это был пик так называемого негатива, который был связан с церковной темой. Он был тогда максимальным.

– *И вы сделали выводы.*

– Это был негатив в первую очередь потому, что само действие воспринималось крайне негативно. Практически всеми в обществе.

– *Тогда стали говорить, что Патриарх – слишком серьезная общественная, а то и политическая фигура, и светская власть не хочет, чтобы он слишком укреплялся.*

– Я этого не замечал. «Звонки из МИДа», как вы их назвали, – фантазии псевдоаналитиков. А что касается политики, мы последовательно говорим: Церковь ею не занимается и заниматься не может по целому ряду причин. Церковь к политической власти не стремится. Церкви политическая власть не нужна.

– Вот бывший премьер и глава Счетной палаты Сергей Степашин недавно говорил о том, что Патриарх мог бы основать христиан-демократическую партию.

– Партия по определению выражает позицию, точку зрения части общества.

– Я ему так и сказала: вы недооцениваете Патриарха.

– Ну представьте: выходит священник с чашей причащать и спрашивает каждого: «Ты из какой партии? Из коммунистов? Ауфидерзейн. А вы кто? ЛДПР? Мы вас не причащаем». Так, что ли? Невозможно это. Церковь – это единственное место, куда люди разных политических взглядов могут прийти и у одной чаши причаститься. Как только мы какую-то сторону займем – все, начинается политическая деятельность.

– И все же есть мнение, что священники сегодня вполне влиятельны и даже некоторые кадровые государственные решения связывают с их участием.

– Мне не известны факты, чтобы какие-то кадровые решения принимались под влиянием священников. Конечно, у многих отцов есть общение и с чиновниками в том числе. И я очень надеюсь, что это общение как-то людей меняет. Но здесь, опять же, важно понять, кто такой священник. Это не лоббист с крестом, представляющий корпорацию, которая должна добиться преференций для себя по налогам. Это пастырь, задача которого – открыть сердце человека для общения с Богом.

– Последний вопрос. Я помню, как писала про избирательную кампанию Патриарха. Тогда еще митрополита Кирилла принято было считать модернистом, страшно прогрессивным человеком. Он выступал на Майдане, чуть ли не в рок-концерте участвовал, тяготел к молодежи и так далее. И Церковь под его руководством, казалось, будет современной и прогрессивной. Нет ли у вас внутреннего ощущения, что свернули с пути?

– Нет, конечно. Патриарх Кирилл всегда был совершенным традиционалистом, у него отец и дед – священники, исповедники XX века. Дед в лагерях провел много-много лет, отец пострадал за веру. Патриарх – человек, позицию которого нельзя уложить в прокрустово ложе категорий консерватор-либерал. Это ведь в первую очередь политические категории. Святейший – не политик, он христианин, предстоятель Русской Церкви.

Скажем, он не вступал в пионеры в советское время. Знаете же? Замечательная история. Когда ему сказали: «Володя, надо в пионеры вступать», он ответил: «Пожалуйста, только вы мне разрешите в галстук ходить в церковь, причащаться». Ему говорят: «Ты что? Это невозможно!» Он ответил: «Ну, тогда извините». Так он не стал пионером. То есть он такие дискуссии мировоззренческие вел, еще будучи подростком.

У Патриарха нет задачи «ломать стереотипы». Он – человек Церкви. И он не будет в угоду чему-то или кому-то менять Евангелие. При этом Святейший прекрасно понимает, что евангельское послание должно быть изложено на понятном языке.

Беседовала Юлия Таратута

Без сослагательного наклонения

Как христианство изменило мир

Говорят, история не знает сослагательного наклонения. Поэтому сложно гадать, каким был бы мир без христианства (тем более что христианского сознания вопрос, скорее, должен звучать: «А был ли бы он вообще?»). Но вот о том, что христианство принесло в жизнь и культуру человека, поговорить вполне можно. И нужно.

...**Идея прав человека** – краеугольный камень современной светской системы ценностей – в каком-то смысле выросла из христианства. Философской базой стала теория естественного права, которая возникла на заре Нового времени и нашла свое фундаментальное выражение позже в эпоху Просвещения. По этой теории, все люди наделены от природы равными правами, которые не могут быть отменены. В каком-то смысле концепция естественного права пыталась утверждать объективность прав человека наряду с объективностью законов природы. Нельзя отменить всемирное тяготение – точно так же нельзя отменить права человека.

Особенно важно здесь то, что теория естественного права не взялась ниоткуда, во многом она основывается на понимании личности, сформированном христианством. Почему у человека вообще есть права? Потому что он – образ Божий. С христианской точки зрения, это – часть замысла Бога о человеке: личность сотворена, во-первых, свободной, во-вторых, с правами. Парадоксально, но именно поэтому стало возможно грехопадение Адама и Евы. Не будь у человека прав, он не смог бы выбирать и не выбрал бы плод с запретного дерева познания добра и зла. А второй важный философский посыл в том, что все люди равны, потому что равны перед Богом. И равны не по своим талантам – здесь все разные, – но равноправны перед Творцом. Античный принцип «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку» уже не работает. Как видно, идея о равенстве свойственна и современному пониманию прав человека. Так что теория прав человека, нравится это кому-то или не нравится, родилась именно в европейском сознании. То есть в христианской культуре. Буддизм в Китае или индуизм в Индии с их пониманием человека просто не могли породить ту идею прав человека, которую мы имеем.

Если продолжать эту тему, то **равноправие мужчины и женщины** в современном мире стало возможно также во многом благодаря возникновению принципиально нового – христианского – понимания отношений полов. На Древнем Востоке семейные законы были суровы: непокорную жену супруг мог наказать, и довольно жестоко. Согласно одному древне-ассирийскому закону, муж имел право за непослушание, лень или отказ от исполнения супружеских обязанностей избить жену, остричь ее, отрезать ей уши, нос, выжечь на лбу рабское клеймо или выгнать ее из дома. При этом, что бы ни совершил мужчина, никто не мог привлечь его к ответственности. Кому-то может показаться странным, однако исключением в плане отношений к женщине не были ни Древняя Греция, ни Древний Рим. В Греции женщина практически не участвовала в общественной жизни. В греческих полисах женщины никогда не имели гражданства (то есть фактически приравнивались к рабам). Опекуном до замужества являлся отец либо ближайший родственник-мужчина, после замужества вся власть переходила к законному супругу. Супружеская измена и в Древнем Риме каралась смертью. Естественно, если изменяла женщина. Христианство, явившись вызовом всей римской культуре, не могло не затронуть и взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Конечно, евангельская проповедь не была направлена на подрыв социально-политического порядка и не задавалась целью изменить отношения между полами, пройдут века, прежде чем человечество сможет всерьез заговорить о равноправии полов, но только благодаря произошедшей две тысячи

лет назад «христианской революции» вышеописанные картины бесправия женщины в Древнем мире кажутся нам сегодня ужасными.

Именно в христианской культуре утвердился моногамный брак. Именно христианство впервые в человеческой истории провозгласило, что супружеская измена мужчины настолько же недопустима, насколько недопустима измена женщины. Вспомним евангельский рассказ о женщине, которую застали в прелюбодеянии и которую, по ветхозаветному закону, следовало побить камнями. Фарисеи-законники, строго соблюдавшие все древние предписания и искавшие возможности обвинить Христа в нарушении принятых правил, привели ее к Иисусу, спрашивая Его, что с ней делать. Ответ прозвучал для них неожиданно ошеломляюще: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7). По одному из древних толкований этого евангельского места, Христос имел в виду тех, кто без такого же греха, то есть кто не изменял своим женам. И толпа разгоряченных законников разошлась, не смея осудить женщину, так как они были «обличаемы совестью». Пафос этого эпизода, конечно, не в том, что Иисус оправдывал измену. Напротив, Он расстается с грешницей со словами: «Иди и впредь не греши». Но в словах Спасителя звучит неведомая дотоле мысль о необходимости сохранения верности не только женщинами, но и мужчинами. Дохристианское общество не знает такого уровня нравственности.

Далее. Существует стереотип о том, что христианская Церковь всячески препятствовала развитию науки. Но если посмотреть глубже, становится понятно, почему это совсем не так. Во-первых, именно христианство демифологизировало космос, который в античном сознании представлялся неким высшим «божеством», никем не сотворенной красотой, порядком и гармонией, в которую включено все – и боги, и природа, и люди – и которой все подчиняется. Для античного философа бог моря – это не божество, живущее в нем, а само море, поэтому его нельзя изучать «по-базаровски»: не подобает препарировать божественную действительность. Христианская же идея о том, что Бог сотворил мир, но Сам не тождествен этому миру, создает принципиально иное интеллектуальное поле: если солнце – не бог Гелиос, который едет по небу на своей колеснице, а сотворенное Богом небесное тело, то человек, будучи сам венцом творения, вполне может его изучать.

Во-вторых, идея бесконечности, которая чрезвычайно важна, к примеру, для математиков, тоже утвердилась в мире вместе с христианским сознанием. Кроме того, античное видение мира не позволяло соединить физику с математикой: оно исходило из жесткого деления всех вещей на естественные и искусственные, из противопоставления мира космоса миру артефактов. Христианство позволило наконец соединить физику с математикой, и Коперник, Галилей, а затем и Ньютон создавали физическую картину мира, оперируя уже ее языком. Так родилась **современная наука**.

...Список изменений, произошедших в мире после (и впоследствии) пришествия Спасителя, конечно, гораздо длиннее. Но это – то, что христианство принесло в культуру. Главное, конечно, – в другом. Все эти перемены – следствия одного, принципиального и самого важного изменения: обычный человек, созданный Богом для пребывания в любви и эту любовь растерявший, получает возможность снова ее обрести. И обратиться к Богу напрямую – как когда-то в Эдемском саду. И услышать ответ.

Опубликовано в журнале «Фома» в январе 2013 г.

Права человека и крокодила

В июне 2008 года на Архиерейском Соборе были утверждены «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Одна из основных идей документа – разговор о правах человека и свободе личности необходимо вести в контексте христианских ценностей.

Почему Церковь заговорила о правах человека? Может ли и должен ли вообще этот разговор лежать в поле церковной риторики? Каким образом Церковь, упрекаемая в том, что пытается «закабалить, запретить и ограничить всех и вся», собирается говорить о свободе личности? Эти и другие вопросы мы адресовали Владимиру Легойде².

² Опубликовано в журнале «Эксперт» № 40 (629) за 2008 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.